

6. Сноп, С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций / С. Н. Сноп. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 453 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2016.

8. Шестовская, Т.В. Преступления против интересов службы / Т.В.Шестовская [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

УДК 343.263

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДАМИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Т.А. Савчук,

доцент кафедры конституционного и административного права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Признавая обеспечение прав и свобод граждан высшей целью, Конституция Республики Беларусь закрепляет принцип неприкосновенности личности, одним из постулатов которого является правило об ограничении или лишении личной свободы только в случаях и порядке, установленном законом.

Статья 11 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), развивающая данное конституционное положение, предусматривает гарантии неприкосновенности лица, к которому при производстве по уголовному делу применяются такие меры процессуального принуждения, как задержание, заключение под стражу и домашний арест. При этом Конституция Республики Беларусь (ст. 25) и УПК (ч. 2 ст. 11, ст. 143–144) возлагают на судебную власть функцию контроля за применением названных мер принуждения, которая проявляется в наделении суда правом осуществлять судебную проверку законности задержания, заключения под стражу и домашнего ареста в досудебных стадиях уголовного процесса. Наделение суда таким полномочием вполне обоснованно и не вызывает возражений. Ведь, как справедливо писал И.Я. Фойницкий: «Государственная задача судебной власти – ограждение прав, законом дарованных, против всех нарушений их. Суд ограждает права государственные, общественные и личные. Но в основании всех прав личности лежит ее свобода. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций судебной власти признается ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против нее как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних. Самостоятельной и независимой в отношении внешнем судебная власть может быть признана только там, где она в состоянии доставить действительную безопасность личной свободе против посягательств всякого рода» [1, с. 183–184].

Судебная проверка жалоб на применение задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока действия этих мер пресечения представляет собой самостоятельное судебное производство, предметом которого является законность и обоснованность применения к подозреваемому или обвиняемому этих мер процессуального принуждения, посредством чего обеспечиваются права личности на свободу и неприкосновенность. Институт судебного контроля за применением мер процессуального принуждения был введен в отечественное законодательство в 1994 г., при этом УПК ограничивал компетенцию судьи рассмотрением вопроса законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей [2]. В 1999 г. УПК расширил предмет судебного контроля, предусмотрев судебную проверку законности и обоснованности домашнего ареста и продления срока его действия. Позиция законодателя является вполне справедливой, поскольку домашний арест представляет собой меру пресечения, существенно ограничивающую личную свободу подозреваемого (обвиняемого), в том числе право этого лица на свободу передвижения, местонахождения и поведения.

Одним из важнейших вопросов судебного контроля в рассматриваемом нами контексте является предмет судебной проверки жалоб подозреваемых и обвиняемых, к которым применены задержание, заключение под стражу и домашний арест, а именно законность и обоснованность данных мер принуждения, примененных в досудебных стадиях уголовного процесса.

Легитимное определение терминов «законность» и «обоснованность» дано в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.2010 № 12 «О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока их действия». Так, под законностью понимается соблюдение норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок применения указанных мер пресечения и продления срока их действия, а под обоснованностью – наличие в материалах сведений, в том числе о личности обвиняемого, которыми подтверждается необходимость их применения или продления [3, с. 7]. Между тем ученые-процессуалисты, не возражая против нормативной трактовки термина «законность», предлагают различную интерпретацию понятия «обоснованность». Так, А. Жданов полагает, что «обоснованность» – это понятие «растяжимое, под которое можно подвести что угодно» [4, с. 48], а Л.К. Трунова отмечает, что данный термин предполагает «наличие оценочных признаков» [5, с. 22]. Эти суждения нашли немало оппонентов, которые под обоснованностью мер пресечения справедливо понимают достаточность в уголовном деле доказательств, указывающих на наличие установленных законом оснований для их применения [6, с. 85]. Предложенная трактовка в полной мере соответствует этимологическому определению термина «обосновать», что означает «подкрепить доказательствами» [7, с. 435], поэтому обоснованность мер пресечения должна отождествляться с наличием в уголовном деле доказательств, подтверждающих основания их применения, указанные в ст. 117 УПК.

Верховный Суд Республики Беларусь, отмечая актуальность вопросов, связанных с судебной проверкой мер процессуального принуждения, в 2010 г.

изучил практику рассмотрения судами жалоб на применение заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока их действия. Так, по данным судебной статистики за указанный период судами было рассмотрено 688 таких жалоб, из них 380 – по проверке законности и обоснованности заключения под стражу, продления срока содержания под стражей, 1 – по проверке применения домашнего ареста. В основном суды оставляли жалобы без удовлетворения (95,3 %), и только в отношении 18 лиц (4,7 %) ими принималось решение об изменении заключения под стражу на иные меры пресечения [8, с. 11]. Для сравнения в 2015 г. по данным Следственного комитета Республики Беларусь жалобы лиц, рассмотренных судами в порядке ст. 143–144 УПК, распределились следующим образом: законность задержания обжаловали 53 лица, заключения под стражу – 422 лица и продления его срока – 91 лицо, домашнего ареста – 1 лицо и продление его срока – 6 лиц. При этом судами из 422 жалоб на решения об избрании заключения под стражу удовлетворено лишь 7 жалоб (1,7 %). Анализ судебной практики, проведенный Верховным Судом Республики Беларусь, показывает ситуацию с незаконным и необоснованным применением заключения под стражу, оставляя без внимания домашний арест. Проведенное нами исследование проблем, связанных с применением домашнего ареста, позволило выявить типичные ошибки, допускаемые судами в ходе проверки жалобы в порядке ст. 143–144 УПК.

Как показало изучение нами практики применения домашнего ареста, суды нередко допускают ошибки в толковании оснований применения домашнего ареста, что, безусловно, ставит под сомнение законность избрания этой меры пресечения и компетенцию суда. Сказанное можно проиллюстрировать примером. Например, суд Несвижского района, осуществляя проверку жалобы в порядке ст. 143–144 УПК, в постановлении об изменении заключения под стражу на домашний арест в обоснование принятого решения привел данные о личности обвиняемой Г., наличии у нее постоянного места жительства, работы, двоих малолетних детей, один из которых – грудной, характере совершенного преступления (ч. 1 ст. 14, ч. 2 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК), одновременно указал в постановлении на «отсутствие оснований полагать, что обвиняемая может скрыться и совершить новое преступление» [9]. В данном случае, если исходить из буквального толкования ч. 1 ст. 117 УПК, очевидно, что мера пресечения вообще не должна применяться. Между тем такая ситуация обусловлена содержанием п. 1 ч. 5 ст. 144 УПК и позицией по данному вопросу Верховного Суда Республики Беларусь, предписывающего, что «освобождая лицо из-под стражи, домашнего ареста, судья *применяет* к нему иную предусмотренную законом меру пресечения» [3, с. 8]. Следовательно, несмотря на отсутствие оснований для применения меры пресечения, суд в силу цитированных императивных предписаний УПК обязан ее применить. Таким образом, складывается ситуация, когда предписания ч. 1 ст. 117 УПК о том, что «меры пресечения *могут применяться* органом, ведущим уголовный процесс», нарушаются, поскольку право этого органа на избрание меры пресечения превращается в его обязанность. Противоречит данной норме и требование ч. 6 ст. 127 УПК о *применении* иной, более мягкой меры пресечения при непродлении прокурором срока содержания обвиняемого под стражей, домашним арестом. Из

этого следует, что ч. 6 ст. 127 УПК и п. 1 ч. 5 ст. 144 УПК требуют внесения соответствующих корректив, согласующихся с общей концепцией оснований применения мер пресечения.

Как показывает практика, судами иногда допускаются ошибки в исчислении и продлении срока содержания лица под домашним арестом, одной из причин которого является отсутствие в УПК норм, определяющих предельный срок пребывания лица под домашним арестом с учетом его предыдущего содержания под стражей. Например, судом Октябрьского района г. Гродно обвиняемому Л. мера пресечения в виде заключения под стражу, примененная в ходе предварительного расследования 09.04.2010 и срок действия которой истекал 07.04.2012, была изменена 04.04.2012 на домашний арест [10]. Данное решение суда не соответствует ч. 3 ст. 125 УПК об одинаковых правилах исчисления сроков этих двух мер пресечения. Указанная правовая норма приводит к выводу о том, что в срок домашнего ареста должно засчитываться время содержания лица под стражей, и наоборот. При этом общая продолжительность пребывания лица под стражей и домашним арестом не должна превышать срок, установленный в ч. 4 и 13 ст. 127 УПК, независимо от того, в какой последовательности применялись данные меры пресечения. Поэтому для устранения подобных ситуаций в судебной и следственной практике целесообразно дополнить статью 125 УПК соответствующей нормой.

Продление органами уголовного преследования срока заключения под стражу и домашнего ареста, как указывалось нами ранее, входит в предмет судебной проверки жалоб в порядке ст. 143–144 УПК. Как показывает практика, в большинстве случаев основания для продления срока названных мер пресечения органом, ведущим уголовный процесс, соблюдаются. Однако иногда продление срока домашнего ареста осуществлялось судом хотя и правильно, но без приведения законных оснований. Например, судом Витебского района срок домашнего ареста был продлен, поскольку инкриминируемое обвиняемой О. преступление предусматривало наказание в виде лишения свободы свыше двух лет, но при этом суд не нашел оснований для изменения данной меры пресечения и не привел аргументов в пользу продления срока домашнего ареста [11].

При изучении уголовных дел, по которым к подозреваемым и обвиняемым в качестве меры пресечения избирался домашний арест, нами были выявлены случаи игнорирования судами правил, установленных уголовным законом, в части зачета времени нахождения лица под домашним арестом в срок наказания. Так, анализ обвинительных приговоров показывает, что в отношении 45,1 % обвиняемых, к которым применялся домашний арест, судом назначалось наказание в виде лишения свободы, ареста, ограничения свободы и исправительных работ. При этом только в отношении 30,5% лиц судом соблюдались правила зачета этой меры пресечения в срок наказания. В 14,6% случаев такой зачет осуществлен с нарушениями ст. 75 УК, из них в 5,5% – ошибочно указано время начала или окончания домашнего ареста, что повлекло неправильное исчисление его срока, в 4,9% – не изложены правила зачета, в 2,1% – эти правила изложены неверно, в 2,1% – ошибочно указан вид наказания. Напомним, что согласно УПК суд в резолютивной части обвинительного приговора должен изложить решение

лишь о зачете времени задержания и содержания под стражей в срок наказания (п. 7 ч. 1 ст. 361 УПК), однако данная норма УПК не устанавливает обязанности суда произвести такой зачет в отношении срока домашнего ареста. Очевидно, что правила п. 7 ч. 1 ст. 361 УПК не согласуются со статьей 75 УК, прямо предписывающей судам произвести такой зачет, что иногда приводит к намеренному нарушению судом положений ч. 1 ст. 75 УК. Так, судом Клецкого района Л. был осужден по ч. 2 ст. 205 УК к аресту сроком на пять месяцев, однако время нахождения обвиняемого под домашним арестом с 07.05.2010 по 12.08.2010 не было зачтено в срок наказания. В приговоре суд указал, что не находит оснований для зачета срока домашнего ареста в счет отбытия наказания, поскольку Л. нарушил возложенные на него обязательства и скрылся с места жительства [12]. Данный пример свидетельствует о неправильном понимании судом правил такого зачета, которые носят императивный характер и не допускают иного толкования, на что также обращал внимание Верховный Суд Республики Беларусь [13]. Из этого следует, что для устранения противоречий между нормами УК и УПК, исключения подобных случаев на практике необходимо внести соответствующие дополнения в п. 7 ч. 1 ст. 361 УПК.

Отмечая важность конституционных и уголовно-процессуальных предписаний в части полномочий суда по проверке законности и обоснованности примененных мер процессуального принуждения, отметим, что национальное законодательство не в полной мере отвечает общепризнанным международно-правовым стандартам в части применения мер процессуального принуждения. Такие стандарты содержат основополагающее правило о том, что лицо, обвиняемое в совершении преступления и лишенное свободы до суда, должно предстать непосредственно перед судьей или иным лицом, уполномоченным осуществлять судебные полномочия [14]. Поэтому вопросы судебного санкционирования в отечественной правоприменительной практике приобретают особую значимость в контексте реального обеспечения конституционного принципа неприкосновенности личности.

Институт судебного санкционирования имеет международно-правовую природу, закреплен в основополагающих документах о правах человека и является обязательным элементом законодательных норм многих зарубежных государств и государств-участников СНГ. Большинство стран, входящих в Европейский союз, давно на конституционном уровне закрепили нормы о необходимости судебного решения для применения мер, ограничивающих основные права и свободы личности в сфере уголовного судопроизводства. Как известно, в Великобритании начало законодательному оформлению данного института положила Великая хартия вольностей, принятая в 1215 г. и являющаяся действующим конституционным актом. Конституция Дании, например, содержит положение, согласно которому любое лицо, взятое под стражу, должно предстать перед судьей в течение 24 часов, а Конституция Греции устанавливает, что никто не может быть подвергнут аресту либо тюремному заключению без обоснованного судебного ордера, который должен вручаться в момент ареста или задержания (за исключением задержания на месте преступления) [15, с. 19].

Примечательно, что уголовно-процессуальные кодексы большинства государств-участников СНГ предусматривают применение заключения под стражу и домашнего ареста только на основании судебного решения. В Республике Беларусь, как известно, для этого необходима санкция прокурора или его заместителя, если данные меры пресечения избираются органом уголовного преследования на стадии предварительного расследования (ч. 2 ст. 119 УПК). В то же время, как нами указывалось выше, международные стандарты ориентируют национальное законодательство на то, чтобы заключение под стражу и иные меры, связанные с лишением (ограничением) свободы лица, в том числе и домашний арест, принимались только по решению суда. На данное обстоятельство обращал внимание и Конституционный Суд Республики Беларусь, считающий установление судебного порядка санкционирования заключения под стражу и других процессуальных мер, связанных с фактическим лишением или ограничением свободы, наиболее эффективным способом защиты прав и свобод личности [16]. Таким образом, сложившийся порядок санкционирования мер пресечения в республике не соответствует международным стандартам и нуждается в изменении путем передачи соответствующих полномочий органам судебной власти.

Подытоживая, отметим, что на современном этапе в республике во многом благодаря инициативам Главы государства [17; 18] наблюдается реформирование законодательства в сфере применения мер пресечения. Так, в 2015 г. был введен законодательный запрет на избрание заключения под стражу по отдельной категории уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, а также нормативно ограничены случаи применения этой меры пресечения на основании тяжести совершенного преступления. Акты Главы государства определили не только вектор развития уголовно-процессуальной политики в оптимизации законодательства о мерах пресечения, но и позволили расширить использование залога и домашнего ареста в качестве мер, альтернативных заключению под стражу. В частности, реализация Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [18] привела к сокращению случаев заключения под стражу почти на 50% за счет более широкого применения залога (+ 50%) и домашнего ареста (+ 30%) [19, с. 7]. Между тем, несмотря на эти значительные реформы, вопрос о судебном санкционировании мер пресечения, связанных с ограничением (лишением) личной свободы подозреваемых и обвиняемых, не теряет своей актуальности в контексте реального обеспечения конституционного принципа неприкосновенности личности. Как верно отмечал И.Л. Петрухин: «Судебный контроль – выдающееся завоевание ... демократии, и ему, несомненно, принадлежит будущее» [20, с. 284]. Поэтому мы солидарны с большинством представителей юридического сообщества о необходимости развития полномочий суда в досудебном производстве по уголовным делам, в том числе в части санкционирования мер пресечения. Ведь усиление судебной власти в досудебном уголовном производстве, появление у нее новых полномочий является оправданным и диктуется потребностями времени и общества.

Список использованных источников:

1. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий / под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2. – 608 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : утв. Законом Респ. Беларусь от 29 дек. 1960 г. : введен в действие с 1 апр. 1961 г. : с изм. и доп. по сост. на 25.10.1998 г. – Минск : Амалфея, 272 с.
3. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г. № 12 // Суд. весн. – 2011. – № 1. – С. 6–9.
4. Жданов, А. Законность или обоснованность ареста? / А. Жданов // Рос. юстиция. – 1999. – № 1. – С. 48.
5. Трунова, Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.К. Трунова. – М., 2002. – 55 с.
6. Кудин, Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф.М. Кудин. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. – 136 с.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Тылец, И. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия (по материалам обзора) / И. Тылец, Л. Дулько // Суд. весн. – 2011. – № 1. – С. 10–17.
9. Архив прокуратуры Несвижского района Минской области за 2010 г. – Надзорное производство № 18/008м-10.
10. Прекращение судом производства по жалобе, поданной в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, признано необоснованным [Электронный ресурс] : постановление Президиума Гродненского областного суда, 17 июля 2012 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
11. Архив прокуратуры Витебского района Витебской области за 2010 г. – Надзорное производство № 16/109сл-2009.
12. Надзорное производство № 18-239м-2009 // Прокуратура Клецкого района Минской области. – 2007 г.
13. О практике назначения наказания в виде лишения свободы (по материалам обзора) [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Верховного Суда Респ. Беларусь, 1 янв. 2009 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
14. О заключении под стражу до суда [Электронный ресурс] : рекомендация № R (80) 11 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам : принята 27 июня 1980 г. на 321-м заседании представителей министров // Консультант Плюс : Международное право. – 2013. – Дата доступа: 24.09.2013.
15. Адильшаев, Э.А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России / Э.А. Адильшаев, И.В. Жеребятьев, А.А. Шамардин. – М. : ООО ИПК «Университет», 2013. – 277 с.
16. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № Р-423/2009 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

17. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 1/12259.

18. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. № 621 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

19. Стук, А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: промежуточные итоги / А. Стук // Законность и правопорядок. – 2014 – № 4. – С. 6–10.

20. Петрухин, И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений / И.Л. Петрухин. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 288 с.

УДК 343.16

ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ОБЩЕНАДЗОРНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

А.С. Сенько,

начальник отдела организационного и финансового обеспечения работы и проведения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Правильное и полное уяснение бесспорной роли органов прокуратуры Республики Беларусь в деле защиты прав и законных интересов граждан при осуществлении надзора за исполнением законодательства (общего надзора) требует изучения исторического процесса зарождения и становления общенадзорной правозащитной функции прокуратуры, так как современные правовые реалии прокурорского надзора в государстве тесно взаимосвязаны с правовым наследием прошлого. В этой связи следует отметить, что в юридической литературе данный аспект не получил целостного освещения. В научных работах он рассматривался лишь на фоне основных, поставленных авторами задач или подвергался анализу только в узких временных рамках [1–6;].

При проведении историко-правового анализа необходимо исходить из того, что институт прокуратуры на нынешней территории Республики Беларусь начал функционировать в конце XVIII века, после присоединения белорусских земель к Российской империи [7, с. 283-287, 296-297, 303-304, 315-318], и был обусловлен преемственностью достижений и опыта организации и деятельности прокурорского надзора в европейских странах и, в первую очередь, в Российском государстве. Оговоренная предпосылка исследования нуждается в пояснении. В изданном, в частности, в 2001 г. учебно-методическом пособии «Прокурорский надзор в Республике Беларусь» говорится о возникновении на белорусских землях различных форм прокурорской деятельности в XVI веке в лице та-